

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 459 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТВОРЧЕСТВО А. А. БЛОКА
И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XX ВЕКА

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК III

ТАРТУ 1979

ПУТЬ АЛЕКСАНДРА ДОБРОЛЮБОВА

К. М. Азадковский

Еще при жизни Александр Добролюбов (1876—1944?) стал фигурой легендарной. Его загадочный (вернее, казавшийся таковым) поворот от индивидуализма к религии, от крайнего «самоутверждения» к крайнему «самоустранению»¹ приковал к нему в начале века внимание различных деятелей русской культуры, прежде всего — в символистском лагере. О нем думали и писали многие из его современников, причем почти каждого из них привлекала к себе не столько поэзия Добролюбова, сколько его личность и судьба. Ему — бывшему «декаденту», впоследствии основателю религиозной секты — посвящали свои стихи такие поэты, как Блок, Брюсов, З. Гиппиус, Клюев². О Добролюбове восторженно отзывался лично знавший его Л. Толстой, хотя и не принимал некоторых аспектов его учения³. Д. С. Мережковский одно время считал Добролюбова «святым» и ставил его рядом с Франциском Ассизским. «В самом деле, за пять веков христианства, кто третий между этими двумя?...» — восклицал Мережковский⁴. Другие же, например, Бунин, называли Добролюбова больным ребенком «с полным сумбуром в голове и душе»⁵.

¹ Жизненный путь Добролюбова прослеживается в содержательной статье: Н. Ашимбаева. Александр Добролюбов. От декадентства к неонародничеству. — Сборник, посвященный 70-летию со дня рождения Д. Е. Максимова. Ч. 1. Л., 1974 (машинопись; хранится в РО Музея Ф. М. Достоевского).

² Стихотворение Блока «А. М. Добролюбов» написано 10 апреля 1903 г. Впервые опубликовано в альманахе «Белые ночи» (СПб., 1907, с. 13). Стихотворение Брюсова «А. М. Добролюбову», датированное 4 октября 1895 г., впервые опубликовано в кн.: В. Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 150. Стихотворение З. Гиппиус «К Добролюбому», по всей видимости, не публиковалось. Оно записано рукой И. М. Брюсовой в тетрадь с названием «Списки стихов разных поэтов. 1899—1900 гг.» (РО ГБЛ, ф. 386, к. 129, ед. хр. 41, л. 34). Стихотворение Н. Клюева «Александр Добролюбов — пречистая свеченька» не опубликовано (Гос. лит. музей, ф. 99, ед. хр. 79).

³ См.: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 54. М., 1935, с. 191; т. 56, 1937, с. 47 и 49; т. 74, 1954, с. 201—202 и др.

⁴ Д. С. Мережковский. Революция и религия. — «Русская мысль», 1907, № 3, ч. II, с. 28.

⁵ И. Бунин. Автобиографическая заметка. — Полн. собр. соч., т. 6. Пг., 1915, с. 328.

После 1914 г. интерес к Добролюбову в русском обществе угасает. Родственники Добролюбова и близкие к нему люди надолго теряют его из виду. Забывают о нем и историки русской литературы: его имя лишь мельком упоминается в некоторых трудах, посвященных «началу века». Отрывочные сведения о жизни Добролюбова в советское время не опубликованы до сих пор. Задача настоящей статьи — проследить весь жизненный путь А. Добролюбова и, опираясь на отзывы современников, а также на ряд неизвестных архивных материалов, включить его имя в историко-литературный контекст.

Александр Михайлович Добролюбов родился 30 августа 1876 г. в Варшаве. В течение пяти лет он обучался в Варшавской гимназии, а в 1891 г., когда семья его переехала в Петербург, поступил в Шестую С.-Петербургскую гимназию, которую закончил летом 1895 г. В августе того же года Добролюбов подал прошение о зачислении его на первый курс классического отделения историко-филологического факультета Петербургского университета. К этому времени он выпустил уже свою первую книжку — стихотворный сборник с претенциозным (заимствованным у Спинозы) заглавием «*Natura naturans. Natura naturata*» (СПб., 1895).

А. Добролюбов был старшим в многодетной семье. Отец его, Михаил Александрович Добролюбов, умер в 1892 г. По воспоминаниям современников, М. А. Добролюбов понимал свою жизнь как служение народу и «влият на сына в духе заветов Белинского и 60-х годов»⁶. В прошении, поданном 12 октября 1895 г. Марией Генриховной Добролюбовой (матерью Александра) в Совет при Смольном институте Императорского воспитательного общества благородных девиц, говорится: «Покойный муж мой, действительный статский советник Добролюбов, прослужил в Привислинском крае более 40 лет, занимая должность Непременного члена Губернского по крестьянским делам присутствия с самого начала крестьянских учреждений в крае, когда производились обширные работы, требовавшие усиленной и напряженной деятельности. Получив от непосильных трудов болезнь сердца, муж мой в 1891 г. вышел в отставку, а в 1892 г. скончался от разрыва сердца, оставив меня с 8-ю малолетними детьми, без всяких средств, с пенсией по 1500 р. в год»⁷.

У Александра было трое братьев и четверо сестер. Его брат Георгий воспитывался в Морском кадетском корпусе и впослед-

⁶ <С. А. Венгеров> А. Добролюбов. — В кн.: Русская литература XX века. 1890—1910. Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. 1, М., 1914, с. 265.

⁷ ГИАЛО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14 027, л. 16.

ствии стал офицером. Два младших брата, Владимир и Константин, были приняты в училище правоведения. Старшая из сестер, красавица Мария Добролюбова, окончила в 1900 г. Специальные педагогические классы Смольного института благородных девиц и позже получила известность своим участием в русско-японской войне и первой русской революции. Она погибла при неясных обстоятельствах в декабре 1906 г. Смольный институт закончили также ее сестры — Елена, Лидия и Ирина.

А. Добролюбов провел в Петербургском университете почти три года. Его учителями были известные профессора: С. Ф. Платонов, Ф. Ф. Зелинский, В. К. Ернштедт, А. И. Введенский. Молодой Добролюбов интересовался многими предметами, от греческой философии до египетской архитектуры. Он отличался превосходной памятью. Хорошо владея иностранными языками, Добролюбов был начитан в современной ему западноевропейской литературе, прежде всего модернистской. Особенно увлекался он французскими авторами — Бодлером, Малларме, Гюисмансом, Метерлинком и др. Их влияние проявилось еще в последних классах гимназии. К тому времени, когда он познакомился с Брюсовым (июнь 1894 г.), взгляды и пристрастия Добролюбова вполне определились. «Он был тогда крайним «эстетом», — вспоминает Брюсов, — и самым широким образом был начитан в той «новой поэзии» (французской), из которой я в сущности знал лишь обрывки <...> Он был пропитан самым духом «декадентства» и, так сказать, открыл передо мной тот мир идей, вкусов, суждений, который изображен Гюисмансом в его «A rebours»⁸.

Насквозь «эстетской» была и первая книга Добролюбова. Наряду с брюсовскими выпусками «Русских символистов» и некоторыми сочинениями З. Гиппиус, Минского, Сологуба, она представляла собой образчик «индивидуалистического» символизма, обнаруживая в то же время ряд отклонений в сторону «крайнего декадентства» — явления, в целом не привившегося в России. Полная отрешенность от окружающей жизни, сосредоточенность только на самом себе, — таковы были отличительные черты этого «нового» мировоззрения, которое нередко облекалось в уродливые, не лишённые эпатажа формы. Перекликаясь с А. Емельяновым-Коханским, автором вульгарно-«декадентской» книжицы «Обнаженные нервы» (М., 1895), которую он сопроводил посвящением «Мне <т. е. Самому себе. — К. А.> и египетской царице Клеопатре», Добролюбов посвятил первый сборник Гейне, Вагнеру, Росетти и... Никонову, назвав всех четырех своими «великими учителями». Подчеркнуто узок был круг чита-

⁸ В. Брюсов. Автобиография. — В кн.: Русская литература XX века. Т. I. с. 111 — 112.

гелей, к которым обращался поэт. К «избранным» — помимо его самого — принадлежали его мать, сестра Мария, его тогдашний друг и единомышленник Вл. Гиппиус, художник М. О. Микешин и некоторые другие. Лишь им мог быть, в какой-то мере, доступен подтекст книги, изобилующей неясностями и намеками.

Индивидуализм молодого Добролюбова, его эстетство и поза были, как и у его французских предшественников, в основе своей лишь своеобразным бунтом против современной культуры, особенно же — против плоского позитивизма, распространившегося в 80-е гг. и в русской литературе. Любые требования, предъявляемые обществом к личности, в том числе и требования «гражданственности», казались некоторой части молодежи 90-х гг. навязанными извне и воспринимались ею как ограничения, сковывающие свободное волеизъявление индивида. Декаденты же, напротив, провозглашали неограниченную свободу личности. В своих воспоминаниях о Добролюбове Вл. Гиппиус задавался вопросом: «Чем искусил эстетизм его <А. Добролюбова — К. А.>, воспитанного на идеях общественно-освободительных?» И отвечал: «Именно идеями освободительности». Гиппиус добавляет, что «вседозволенность» казалась им тогда «истинной эмансипацией, в сравнении с которой нигилизм 60-х годов был наивным, внешним, умеренным»⁹.

Крайний индивидуализм сочетался у молодого Добролюбова с сильным мистическим чувством. Вслед за своими учителями — французскими символистами — Добролюбов, преодолевая объективный, позитивистски видимый телесный мир, стремился одновременно проникнуть за его пределы — в сферу неявного, сверхчувственного, таинственного. Окутанная мистическим покровом, ранняя поэзия Добролюбова была во многом импрессионистической; на первый план в ней выступало неясное, неуловимое — мимолетность ощущения, зыбкость чувства, расплывчатость видения. Это было «особое творчество, — не художественное и не научное, а составленное из отражений и теней», — писал И. Коневской¹⁰. Стихи Добролюбова производили впечатление бессвязного, бесформенного монолога, произнесенного каким-то невнятным, подчас молитвенным шепотом. Как и другие символисты, Добролюбов стремился к музыкальности, но делал это слишком явно, нарочито и даже вызывающе. Он давал своим стихам «музыкальные» названия (*Adagio maestoso*, *Andante con moto*), снабжал их пометами типа «*Presto*», «*Moderato*», «*Pianissimo*», нагнетал одну за другою паузы в виде многоточий, вос-

⁹ Вл. Гиппиус. Александр Добролюбов. — В кн.: Русская литература XX века. Т. 1, с. 275.

¹⁰ И. Коневской. К исследованию личности Александра Добролюбова. — В кн.: А. Добролюбов. Собрание стихов. М., 1900, с. 5.

клицательных знаков, чистых страниц. Вообще говоря, уже в первой книге Добролюбова отчетливо проявилось его стремление уйти от слова, от образа и формы в область «несказанного», неоформленного, иначе — в область молчания.

Это сочетание индивидуализма с мистицизмом может, на первый взгляд, показаться странным. Индивидуалистический бунт, ведущий в своих крайних формах к беспредельному самоутверждению, к богоборчеству и самообожествлению, и религиозности, в основе которой лежит, как правило, смирение, самоустранение, отказ от собственного «Я», — два этих начала являются, бесспорно, полярными. Тем не менее, в истории культуры мы обнаруживаем немало примеров, аналогичных добролюбовскому, в первую очередь среди носителей того мировоззрения, которое принято называть романтическим.

Мятежный индивидуализм начала XIX в., выплеснувшись в титанических образах Каина, Прометея, лермонтовского Демона, стал сравнительно быстро изживать себя. Слишком явный разрыв между действительностью и идеалом, между прагматически мыслящим буржуазным обывателем и возвышенной романтической личностью был тому причиной. Несостоятельность романтических героев стала очевидной едва ли не в тот самый момент, когда они появились на свет; они гибли, не выдерживая испытания реальностью. Это относится не только к героям-свободолюбцам, предтечами которых были некоторые персонажи Шиллера, но и к благородным мечтателям, предающимся меланхолии и медитации. Оба типа героев — назовем их условно «бунтующий» и «созерцательный» — сосуществовали в европейском романтизме уже с самого его зарождения. То были разные, во многом противоположные формы духовной реакции на «несвободный» и «бездуховный» мир. Но между ними имелось и некоторое родство, порой отчетливо ощутимое; оно коренилось в общем для них неприятии реально существующих условий жизни.

Романтизм начала XIX в. разбился о несоответствие мечты и действительности. Ощущение этого несоответствия — причина того духовного кризиса, который с силой захватывал как отдельных художников, так и движение в целом. Поэзия исподволь уступала место прозе. В романтизм все глубже проникали реалистические элементы, со временем подчинившие его себе окончательно. С другой стороны, романтизм, покада в нем жила потребность в идеале, в духовном абсолюте, искал для себя иных, более зримых форм воплощения. Эти поиски вели романтиков от индивидуального к коллективному началу. Развитие романтизма есть изживание индивидуализма. От возвеличивания отдельной и одинокой личности романтики шли к возвеличиванию своего народа, его культуры и исторического прошлого. Конечно, национальная идея выступала у романтиков в духовной оболочке. «Народ» — часть общества, наиболее близкая к «при-

роде» и потому, как представлялось романтикам, наиболее «естественная», — оказывался у них носителем одухотворенного божественного начала, творцом и выразителем подлинной культуры. От индивидуализма к национально-религиозной идее — такова общая схема эволюции европейского романтизма.

Индивидуалистический бунт романтиков (каким бы крайним он ни был) всегда вызван их жадой обновления, свободы, гармонии, прежде всего в сфере духовной. Богоборчество романтиков — не отрицание бога, а боготворчество, стремление к новому духовному абсолюту. Богоборчество и боготворчество соотносятся в романтизме так же, как индивидуалистический бунт и национально-религиозная идея. Следует заметить, что духовный максимализм, преизбыточность, чрезмерность, неустанное внутреннее горение, — черты, отличительные для натур романтического склада, — побуждали их во многих случаях отдавать себя и той, и другой идее с равным энтузиазмом. Таков, например, Фр. Шлегель, одна из центральных фигур немецкого романтизма, «величайший романтик», по определению Герцена¹¹. Начав свой путь с оправдания якобинской диктатуры, он прошел все стадии романтического развития и завершил свой путь в лагере воинствующих католиков.

Ту же тенденцию — «от богоборчества к боготворчеству» — можно установить, если взглянуть на «неоромантизм» конца XIX в. Декадентство — апогей индивидуализма. Однако в своих крайних формах индивидуализм изживает себя уже в 90-е гг. Его творцы и крупнейшие представители — Гюисманс и Уайльд — склоняются, в конце концов, к религии, мистике и даже, как Уайльд, к социальному состраданию. «Мистическое в искусстве, мистическое в жизни, мистическое в природе, — вот чего я ищущу», — заявлял Уайльд в своей исповеди «De Profundis»¹². В статье с программным названием «Кризис индивидуализма» Вяч. Иванов, говоря о некоторых итогах искусства новейшего времени, констатировал: «Индивидуализм «убил старого бога» и обожествил Сверхчеловека. Сверхчеловек убил индивидуализм...»¹³.

Дитя неоромантической эпохи, молодой Добролюбов совмещал в себе ее крайние стороны. В нем рано проступили черты, выдававшие человека религиозного склада: созерцательность, самососредоточенность, склонность к медитации, меланхолия. «Добролюбов пишет, что главное в жизни — «меланхолия», — сообщает Вл. Гиппиус 27 июля 1895 г. философу Я. Эрлиху,

¹¹ А. И. Герцен. Дилетантизм в науке. — Собр. соч. в 30 тт. Т. 3 М., 1954, с. 27.

¹² O. Wilde. De Profundis and the Ballad of Reading Goal. (Collection of British Authors. Tauschnitz Edition. Vol 4056). Leipzig. 1908, p. 139.

¹³ «Вопросы жизни», 1905, № 9, с. 54.

близкому в тот период к нему и Добролюбову¹⁴. Кроме того, Добролюбову был в огромной мере присущ и романтический максимализм, побуждавший его, как отмечают современники, идти всегда и во всем «до конца». «Ум крайний в своем отрицании всего эмпирического», — характеризует Добролюбова Вл. Гиппиус¹⁵. И действительно: свой декадентский бунт Добролюбов довел со временем до крайней точки. Отвергая «эмпирию» (т. е. материальную оболочку жизни), он логически пришел к ее антониму — смерти. Рассуждая чисто «по-декадентски», Добролюбов считал, что именно в смерти совершается полное преодоление бытия и воплощается величайшая тайна. Смерть — это небытие, нирвана. Вся книга «Natura naturans. Natura naturata» пропитана этой «волей к небытию». «Похоронный марш», «Lex mortis», — так названы отдельные стихотворения сборника. «Все умерло» — эпитафия к одному из стихотворений (по картине К.—Д. Фридриха, немецкого художника-романтика). Стремление идти во всем до конца породило и те крайние формы эпатажа, которые запечатлены не только в книге «Natura naturans...», но и в воспоминаниях современников, рассказавших об образе жизни молодого Добролюбова. (Заметим, что, как и многие символисты, Добролюбов был крайне привержен к «жизнестроительству»: он как бы желал устранить перегородки между «жизнью» и «искусством», «жизнью» и «творчеством», слить их в одно — «жизнетворчество»).

Конечно, декадентский «антураж», который в течение нескольких лет старательно создавал вокруг себя молодой Добролюбов, — курение гашиша, вызывающе экстравагантные манеры, обстановка, наконец, доморощенные черные мессы (если только они в действительности имели место) — не был его собственным «открытием». Юный декадент и в этом следовал за своими французскими учителями, прежде всего, видимо, за Дез Эссентом и другими героями романов Гюисманса, в которых скрупулезно описан декадентский быт. Бросается в глаза, что и образ жизни, который вел тогда Добролюбов, также был помечен двойственностью. С одной стороны, — непомерное выпячивание собственного «Я», самовлюбленность, претензия на исключительность; с другой, — серьезные духовные искания, самососредоточенность, мистицизм. «В обществе он чудил, — вспоминает Л. Гуревич, — и любил говорить «пифически», иногда выражая нарочито дикими словами серьезную человеческую мысль»¹⁶. В этом анархическом декадентском бунте была, однако, своя последовательность. Все у Добролюбова было подчинено тогда одной единственной цели:

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 77, оп. 1, ед. хр. ба, л. 18.

¹⁵ Вл. Гиппиус. Александр Добролюбов, — Там же, с. 282.

¹⁶ Л. Гуревич. История «Северного Вестника», — В кн.: Русская литература XX века. Т. 1, с. 254.

разрушить трехмерный видимый мир, «уйти» из него. С этой точки зрения, курение гашиша становится в один ряд с ночными бдениями и ношением вериг.

Закономерна и символическая тема черного цвета, которая окрашивает жизнь Добролюбова в те годы. Не только стихи молодого Добролюбова, но и весь его быт, его жилище и костюм напоминали о смерти. Современники рассказывают о комнате, в которой жил Добролюбов: она была оклеена черными обоями и походила на гроб. Согласно воспоминаниям Вл. Гиппиуса, Добролюбов одевался «в необычный костюм (вроде гусарского, но черный, с шелковым белым кашнэ вместо воротника и галстука)...»¹⁷. На журфиксах Л. Гуревич Добролюбов появлялся «неизменно в черных кожаных перчатках на меху, которые он зачем-то не снимал весь вечер»¹⁸. Крайний индивидуализм и крайний мистицизм Добролюбова нашли окончательное воплощение в проповедничестве смерти, с которым он обращался к своим сверстникам. Сообщения о том, что эти проповеди имели успех, ничем не подтверждаются, однако предположения такого рода все же не беспочвенны: проповедническим даром — в отличие от литературного — Добролюбов действительно обладал в высокой мере.

Занявшись призывами к самоумерщвлению, Добролюбов дошел до пределов декаданства. Для того, чтобы логически замкнуть круг, ему оставалось сделать последний шаг. Но он не сделал этого шага. Человек, «возлюбивший себя, как бога», не способен лишить себя жизни. Призывы Добролюбова «уйти из жизни» завершились, в конце концов, его собственным «уходом», хотя и на ином уровне.

«Уход» Добролюбова приходится на весну—лето 1898 г. Однако перелом, который привел к решению «уйти», наступил в нем раньше. Обострившееся чувство греховности, тема раскаяния ощутимы уже в отдельных стихотворениях 1897—1898 гг., которые впоследствии вошли во второй поэтический сборник Добролюбова, изданный «Скорпионом» в 1900 г.

Несознанно год я грешил, но вериги
Духовные в сердце звучали глубоко, —

признается Добролюбов и говорит (в стихотворении, завершающем книгу) о намерении изменить свою жизнь:

Я вызов бросаю грехам своевольным!
Прощайте, друзья и богини былого!
Бесстрастно, как яд, я давно приготовил измену.¹⁹

¹⁷ Вл. Гиппиус. Александр Добролюбов. — Там же, с. 280.

¹⁸ Л. Гуревич. История «Северного Вестника». — Там же, с. 255.

¹⁹ А. Добролюбов. Собрание стихов. М., 1900, с. 63—64.

Май — июнь 1898 г. Добролюбов проводит в Олонецкой губернии. Здесь завершается в нем духовный переворот. Добролюбов осуждает свое декадентское прошлое и решается порвать с современной цивилизацией. «Раньше на словах и в мыслях, много позже на деле, овладели мной жестокий разврат, изысканные ощущения и доведенное до отвлеченности безумие конечного мира», — кается Добролюбов в своем письме к Вл. Гиппиусу, написанном в конце мая 1898 г. «Уже год, — рассказывает он ему, — совершался в глубинах моих новый поворот, и часто плакало сердце. Это время было самое тяжелое для меня, ибо я ожидал, что когда нельзя будет притворяться, окажусь без алтаря. И вот я снова, как всегда, в мире с собой. Я, кажется, отказался и от писательства, во всяком случае — на время. Остальные решения не замедлят обнаружиться. Вы будете удерживать меня в иных, но дело сделано»²⁰.

Через некоторое время Добролюбов появляется в Москве. Брюсов, встретившийся с ним в конце июля 1898 г., описал в своем дневнике некоторые перемены, поразившие его в облике Добролюбова, прежде всего, — бросавшееся в глаза «опрошение». «Он был в крестьянском платье, — рассказывает Брюсов, — сермяге, красной рубахе, в больших сапогах, с котомкой за плечами, с дубинкой в руках. Лицом он изменился очень <...> его черты огрубели; вокруг лица пролегла борода, стало в его лице что-то русское <...> А как изменились все его привычки и способы! Когда-то он был, как из иного мира, безмерно самоуверенный, потому что безмерно застенчивый... Теперь он стал прост, теперь он умел говорить со всеми <...> И все невольно радостно улыбались на его слова. Даже животные шли к нему доверчиво, ласкались». Добролюбов сразу же сообщил Брюсову, что «он «уверовал», что он стал иным и что прошлое тяготит его, что он его «осуждает страшно»²¹. Кроме того, Брюсов отмечает, что Добролюбов, «как в стихах, так и в разговоре», говорил теперь «только русским языком, русскими словами, зная множество областных выражений, умело пользуясь ими»²².

Совершенно очевидно, что пережитый Добролюбовым кризис декадентства сопровождался поворотом к народной стихии. Эта эволюция (от индивидуализма к «народничеству») закономерная, как было показано, для романтического типа сознания, вдвойне закономерна для человека, выросшего в России и воспитанного на освободительных идеалах 60-х гг. Ведь именно здесь, в России, где разрыв между привилегированным слоем и массами патриархального крестьянства, задавленного крепостными отношениями, был особенно глубок и очевиден, антитеза «личность

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 12, л. 7.

²¹ В. Брюсов. Дневники, с. 41—42.

²² Там же, с. 44.

народ» оставалась актуальнейшей общественной проблемой на протяжении всего XIX в. Именно в России — как в цивилизованных верхах общества, так и в народной глубине — неустанно бродили освободительные идеи (как революционные, так и религиозные по своему содержанию) и порой неудержимо прорывались наружу. Передовая общественная мысль России всегда была обращена к народу. Почти вся русская литература XIX в., в лице ее крупнейших представителей: Лермонтова, Гоголя, Достоевского и Толстого, — стоит под знаком сближения с народом, воспринятым преимущественно в аспекте религиозно-нравственном.

«Народничество» Добролюбова сочетало в себе и революционный, и религиозный (точнее — «бунтующий» и «созерцательный») элементы. Поначалу, видимо, преобладало бунтарство, отличавшееся, как и все устремления Добролюбова, чрезмерностью, крайностью, максимализмом. «Еще за несколько месяцев до переворота, — рассказывал Добролюбов Брюсову летом 1898 г., имея в виду пережитый им духовный переворот, — я вступил в особый государственный заговор... Их цель была преобразовать Россию на народный лад»²³. Трудно сказать, к какому именно «заговору» примкнул тогда Добролюбов; скорее всего, он был связан с кем-то из радикально настроенных русских народников и, возможно, с социал-демократами. О последнем позволяет судить фраза из письма Добролюбова к И. М. Брюсовой, написанного значительно позже, в октябре 1938 г. Добролюбов просит И. М. Брюсову «поискать в музыкальных кругах следы Семена Викторовича Панченко»²⁴, «Это был один из моих друзей моей прежней жизни — до моего выхода из интеллигенции, — говорит Добролюбов и добавляет, — <...> он — старый партиз-большевик (на его квартире раз, кажется, я видел Карпова, — мне кажется, Ильича)»²⁵. Трудно судить о том, насколько правдоподобно это свидетельство Добролюбова и действительно ли он встречался с Владимиром Ильичом до его отъезда в сибирскую ссылку в феврале 1897 г. Можно, однако, не сомневаться в том, что если бы религиозные устремления Добролюбова не взяли в нем верх, то он оказался бы в лагере радикальных народников и принял бы самое активное участие в революции 1905 г. Это подтверждается примером его сестер Марии и Елены, примером родственного ему духовно Леонида Семенова, чей «уход» в 1908 г. повторяет путь Добролюбова, и, наконец, примерами других символистов или близких к символизму писателей, которые в 1905—1908 гг. были глубоко захвачены идеологией ре-

²³ В. Брюсов. Дневники, с. 44.

²⁴ О С. В. Панченко см.: Д. Е. Максимов. Блок и революция 1905 года. — В кн.: Революция 1905 года и русская литература. М.-Л., 1956, с. 250—252.

²⁵ РО ГБЛ, ф. 386, к. 148, ед. хр. 40, л. 5.

волюционного народничества (среди них — не в последнюю очередь — можно назвать и А. Блока).

В самом конце августа 1893 г. Добролюбов (тогда еще студент Петербургского университета) подает прошение об отчислении. После этого он окончательно покидает Петербург и вновь направляется в Олонецкую губернию. Приблизительно полгода он живет богомольцем в Соловецком монастыре. В начале марта 1900 г. мы застаем его уже в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии, работником в доме казака Петра Орлова. А спустя полтора года, в июле 1901 г., в сессии Казанского военного суда в г. Троицке Оренбургской губернии рассматривалось дело о дворянине Добролюбове и казаках Неклюдове и Орлове, обвиненных в нарушении правил военной дисциплины. Оказалось, что Добролюбов убедил Неклюдова и Орлова в том, что «воевать грех, а также носить оружие». На вопрос председателя суда «Ваше звание?» Добролюбов ответил: «Крестьянин, а раньше был дворянин». Добролюбов просил суд освободить от наказания «его братьев» Неклюдова и Орлова, ибо они в данном случае нисколько не виноваты, а виноват он, Добролюбов. Суд, однако, не внял просьбе Добролюбова и постановил: «Неклюдова и Орлова сослать в арестантские роты на 2½ г., а Добролюбова заключить в тюрьму на 8 месяцев». Информация об этом деле была опубликована в газете «Уральская жизнь», а затем перепечатана некоторыми русскими газетами²⁶.

Однако Добролюбов не был заключен в тюрьму. Насколько можно понять из более поздней записи в дневнике Брюсова, его «только обязали подпиской не выезжать»²⁷. Прожив несколько месяцев в Оренбурге, Добролюбов, как свидетельствует Брюсов, «понял, что больше нельзя. Пошел и заявил, что уходит. Ушел. Но через два дня его арестовали и отправили в Петербург»²⁸. В феврале 1902 г. Брюсов встречается с Добролюбовым в Петербурге. «Все такой же. Лицо исполнено веселия или радости. Тихо улыбается. Глаза светлые, радостные. Говорит тихо, мало. Перед тем как отвечать, складывает молитвенно руки, словно размышляет или выпрашивает поучения у бога»²⁹. Несмотря на эту благостность внешнего облика, Добролюбов, по словам Брюсова, обвинялся тогда «в оскорблении святыни и величества»³⁰. Ему грозила каторга, от которой его удалось спасти, поместив его в сумасшедший дом. Здесь в декабре 1902 г. Брюсов опять виделся

²⁶ См.: «Уральская жизнь», 1901, 10 августа, № 213; «Курьер», 1901, 16 августа, № 225; «С.-Петербургские ведомости», 1901, 18 августа, № 225; «С.-Петербургские ведомости», 1901, 21 августа, № 228; «Россия», 1901, 21 августа, № 888.

²⁷ В. Брюсов. Дневники, с. 126.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 116.

³⁰ Там же.

с ним и с удивлением узнал о новом переломе, произошедшем в Добролюбове. «Добролюбов поразителен. Представьте себе, что он отрицает бога и мораль и снова стал нищезанцем», — пишет Брюсов П. П. Перцову в декабре 1902 г.³¹. В начале 1903 г. Брюсов вместе с Иоанной Матвеевной еще раз навешает Добролюбова. «Та же трезвая проповедь любви и мира, — записывает он в своем дневнике. — Читал он нам свои новые стихи и рассказы — в старом стиле, немного разве проще. Стоило ли уходить в Соловецкий монастырь и на Урал, чтобы через 5 лет придти к старому»³².

Однако рецидив, описанный Брюсовым, длился у Добролюбова недолго. Видимо, он изжил его уже в больнице, где провел несколько месяцев. «Вышел из больницы только на днях, все охранное отделение не выпускало», — сообщает Добролюбов Вл. Гиппиусу в первых числах апреля 1903 г. «... на днях, — добавляет он, — самое большое через две недели, надеюсь выйти из Петербурга»³³. О том же он пишет и Брюсову 13 апреля, заявляя, что «дни сомненья миновали», что он не отступает от «невидимого деланья»³⁴. На этот раз, покинув Петербург, Добролюбов направляется уже не на Север, а в Самарскую губернию — область, где в те годы было особенно распространено сектантство. Там он проводит все лето 1903 г. На обратном пути в Петербург (5—6 сентября 1903 г.) Добролюбов посещает Ясную Поляну, где знакомится со Львом Толстым. После этой встречи в дневнике Толстого появилась запись: «Был Добролюбов, христиански живущий человек. Я полюбил его»³⁵.

В 1904 г. Добролюбов возвращается в Самарскую губернию, которая — приблизительно на 10 лет — становится его основным местожительством. Впрочем, Добролюбов, как правило, не задерживается на одном месте подолгу. Он либо кочует из одной деревни в другую, либо странствует по другим губерниям, изредка заглядывая в Петербург и Москву. Видимо, Добролюбову была присуща и эта «романтическая» черта — любовь к странничеству. «По жизни я — природная цыганщина», — сказал о себе однажды сам Добролюбов (уже в конце 30-х гг.)³⁶. Во всяком случае, к городской и оседлой жизни он так и не вернулся. «Очевидно, там, в недрах народа, он нашел то, чего так страстно и

³¹ См.: П. П. Перцов. Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. М.-Л., 1933, с. 238—239.

³² В. Брюсов. Дневники, с. 130.

³³ РО ИРЛИ, ф. 77, он. 1, ед. хр. 12, л. 20.

³⁴ РО ГБЛ, ф. 36, к. 147, ед. хр. 6, л. 1—2.

³⁵ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 54, с. 191.

³⁶ Письмо к В. Д. Бонч-Бруевичу от 29 июля 1939 г. из Баку — РО ГБЛ, ф. 369, к. 265, ед. хр. 11, л. 3 об.

напряженно искала его мятущаяся душа», — писал о нем А. С. Пругавин в неопубликованной статье «Добролюбовцы»³⁷.

Отвернувшись от декадентства, логическим завершением которого для Добролюбова оказались безверие и смерть, он после 1898 г. начинает излагать учение, основанное на противоположных началах: Вера и Жизнь. «Вера, вера — начало и конец мира», — восклицал Добролюбов.³⁸ Традиционный христианский бог в системе Добролюбова отсутствует. Бог есть Жизнь. Бог и Жизнь едины. Их единство — Природа. Природу Добролюбов называет «Книгой Божьей». «Поистине, иод каждой былинкой открыта книга Его»³⁹. Взгляд Добролюбова на мир в основе своей пантеистичен. (Таким же видели мир и многие романтики начала XIX в. и «неоромантики» 90-х гг.) Религиозное учение Добролюбова (в целом весьма эклектическое⁴⁰) — продолжение его мистических устремлений, проявившихся еще задолго до «ухода». Сознание Добролюбова, как и прежде, направлено к потустороннему и таинственному. Но если для Добролюбова-декадента главной Тайной была Смерть, то теперь Тайна для него — синоним Жизни. Постижение жизни есть приобщение к тайне. Выражаясь «символически», Добролюбов повторял, что жизнь — чтение «книги невидимой». «Спрашивают, как читать Его книгу? Чистота, послушание, воздержание, кротость, молитва, вера в милость всепокрывающую — вот первые шаги ее; более не знаю ничего»⁴¹. К этим требованиям, перечисленным самим Добролюбовым, следует добавить еще одно — созерцание. Постижение Высшего, приобщение к Тайне (т. с. блаженство, нирвана) осуществляется, согласно Добролюбову, через созер-

³⁷ ЦГАЛИ, ф. 2167, оп. 1, ед. хр. 147, л. 2.

³⁸ Из рукописного учения Ал. Добролюбова. — РО ГПБ, ф. 352, ед. хр. 25/163, л. II.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Об эклектизме Добролюбова свидетельствует лучше всего составленный им самим сборник «Мои вечные спутники» (видимо, середина 900-х гг.). Книга представляет собой собрание многих полюбившихся Добролюбову высказываний, заимствованных им из самых разных источников: здесь и Коран, и Талмуд, и иранская Зендавеста, и «священные писанья браминов», и Лаво-Цзы; «священные песнопенья русских духовных христиан» перемешаны с арабскими народными пословицами; слова Плотина и Эпиктета чередуются с фразами «из современных мудрецов» (Шеллинг, Фихте, Цвингли, Гюго) и т. д. и т. п. В 1905 г. (?) этот сборник был размножен в Москве гектографическим способом, по сразу же запрещен цензурой (ЦГА г. Москвы, ф. 34, оп. 2, ед. хр. 674. Дело Московского цензурного комитета о запрещении сборника А. Добролюбова «Мои вечные спутники»). В настоящее время сохранилось лишь несколько экземпляров этого издания. Рукописный экземпляр книги (под заглавием: «Мои вечные спутники. Сборник чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний и из книг искателей познания») хранится в архиве В. Я. Брюсова (РО ГБЛ, ф. 386, к. 128, ед. хр. 21).

⁴¹ Из рукописного учения Ал. Добролюбова. — РО ГПБ, ф. 352, ед. хр. 25/263, л. 11.

вание. Этим аспектом своего учения Добролюбов, в известной мере, был обязан буддизму, который, как свидетельствует Вл. Гиппиус, он «всегда любил»⁴². Созерцание — метод общения с духовным началом, формой же его выражения является, как учил Добролюбов, молчание. Воздействие буддизма соединяется у Добролюбова с влиянием французских символистов, в первую очередь, Метерлинка, который, как известно, один из первых ввел в литературу «стиль умолчания». «Следы влияния бельгийского мистика невольно чувствуются во взглядах Добролюбова на откровение и на возможность общения с духовным, невидимым миром», — писал А. С. Пругавин⁴³. Последователей Добролюбова, — сообщает Пругавин, — часто называли «молчальниками» и даже «метерлинковцами»⁴⁴. Говоря о влиянии Метерлинка на Добролюбова, Пругавин указывал и на то, что в русском расколе также существовала секта «молчальников»⁴⁵. Современники Добролюбова (Брюсов, Белый, Мережковский, Пругавин) вспоминают, что нередко, в середине разговора, Добролюбов неожиданно прерывал своего собеседника словами: «Давай, брат, помолчим!»

«Уход» Добролюбова, который со временем и обеспечил ему громкую известность, был, разумеется, ничем иным как новым неприкрытым вызовом. Анархический бунт Добролюбова против современной ему цивилизации, отлившийся первоначально в декадентские формы, проявился теперь как религиозный протест, во многом родственный толстовскому. Если ранее Добролюбов бунтовал против искусства «традиционного» с позиций «нового искусства», то теперь его бунт расширяется до неприятия искусства в целом. Все, что связано с личностным, индивидуальным началом, Добролюбов подвергает теперь суровому осуждению. Настроения и идеи Добролюбова 900-х гг. полнее всего отражает его третий сборник «Из Книги Невидимой» (1905). Он включает в себя написанные самим Добролюбовым псалмы и молитвы, притчи и проповеди, откровения и «покаяния». Книга прославляет «бессмертный, всенаполняющий, невидимый мир», противостоящий «наружному». Добролюбов, по его собственным словам, возвращается к писательству лишь для того, чтобы «засвидетельствовать осуждение» всему, созданному им прежде. Книгу открывает «Предупреждение к называемым образованным людям». Добролюбов говорит здесь о том, чем он обязан народу: ощущением живой жизни, чувством единства и целостности

⁴² Вл. Гиппиус. Александр Добролюбов. — Там же, с. 278.

⁴³ А. Пругавин. Новая секта (из области религиозных исканий). — «Речь», 1913, 4/17 января, № 3, с. 2.

⁴⁴ ЦГАЛИ, ф. 2167, оп. 1, ед. хр. 147, л. 4.

⁴⁵ А. Пругавин. Декадент-сектант. — «Русские ведомости», 1912, 7 декабря, № 282, с. 2.

бытия, верой. И главное — духом коллективности («соединением»), благодаря которому он победил в себе рационалистический индивидуализм. «Соединенье, соединенье — вот слово, которое я нашел в народе. Вместо разделенья соединенье всего, вместо сухого рассудка всеобъемлющее духовное устремление, вместо рабства отдельных частных наук — вера»⁴⁶. В книгу включено также «Письмо в редакцию «Весов»» (т. е. именно того литературного органа русских символистов, который и в 90-е гг. продолжал отстаивать принцип индивидуализма в искусстве и равнялся прежде всего на западноевропейские образцы). Письмо это имело подзаголовок — «Против искусства и науки, последнее слово бывшим единомышленникам» — и содержало следующие разделы: «Против романов», «Против стихов», «Против живописи и вааянья и архитектуры», «Против образования без веры и против всей мертвой жизни». Последний раздел назывался «В защиту только музыки и песни». «Из всех ваших искусств, — провозглашал Добролюбов, — частью понимаю и признаю я в храме только одно — музыку и песню»⁴⁷. Любопытно отметить, что «Книга Невидимая», несмотря на столь страстное обличение «бывших единомышленников», была, тем не менее, напечатана в «Скорпионе» по рекомендации Брюсова (инициатора и в ту пору главного руководителя «Весов»), а издание книги осуществляла Н. Я. Брюсова, его сестра, которая была тогда горячей сторонницей идей Добролюбова.

«Книга Невидимая» — свидетельство того, что Добролюбов отказался не от творчества вообще, а лишь от определенного типа творчества. Отвергнув индивидуализм, Добролюбов отвернулся и от того искусства, в котором на первом месте стояло авторское (индивидуальное!) начало и требовалось соблюдение известных законов формального мастерства. Зато он приблизился теперь к народному творчеству, фольклору, находившемуся, как казалось, за пределами «литературы» и созданному коллективно. Тяготение к различным жанрам народного творчества отличало Добролюбова еще задолго до его «ухода». Вл. Гиппиус вспоминает, что молодой Добролюбов знал «едва не наизусть» Рыбникова (т. е. былины и песни русского Севера, собранные П. И. Рыбниковым).⁴⁸ Влечение к фольклору проступает уже в первом сборнике Добролюбова, где поэт — ещё весьма наивно и поверхностно — пытался отойти от традиционной литературности. В. Брюсов, говоря о стихах Добролюбова 90-х гг., отмечал в них «попытку освободиться ото всех обычных условий стихосложения»⁴⁹. Молодой Добролюбов почти не рифмует, предпочитает свободный на-

⁴⁰ А. Добролюбов. Из Книги Невидимой. М., 1905 с. 4

⁴⁷ Там же, с. 88.

⁴⁸ Вл. Гиппиус. Александр Добролюбов. — Там же, с. 282.

⁴⁹ В. Брюсов. О русском стихосложении. — В кн.: А. Добролюбов. Собрание стихов, с. 14.

певный стих. Граница между поэзией и ритмической прозой в его ранних стихах весьма зыбкая. Ряд стихотворений (что также было отмечено Брюсовым⁵⁰) явно стилизован под народное творчество, напоминает молитвы. «В одинокой горнице || Я склоняюсь в молении || Пред великим Господом» — такое начало, весьма необычное для поэта-декадента, имело стихотворение «Молебное».⁵¹ Столь же далеко от «индивидуалистической» поэзии и его «молитвенное» обращение «К нищим» («Молитесь нищая братия, || Молитесь боярам великим, || Плачьте предо мной, || Плачьте и молитесь»⁵²).

Позднее, попав на Север, где существовала живая эпическая традиция, Добролюбов занялся сбором русского фольклора. Он записывал, например, былины известного олонецкого сказителя Федора Конашкова, в избе которого (в деревне Шала Пудожского уезда) он некоторое время жил⁵³. «Живя там, — рассказывает Брюсов о пребывании Добролюбова в Олонии, — он пользовался случаем и собирал народные песни, сказки, заговоры, причитания. Он знал их наизусть много-много, совсем неизвестных, никем не записанных. Кое-что у него было и записано»⁵⁴. Собрание Добролюбова было на самом деле весьма значительным; предполагая в 1900 г. издать трехтомник его сочинений, редакторы собирались отвести весь третий том под «записи народных произведений»⁵⁵. Таким образом, путь Добролюбова от индивидуализма к «народничеству», от «западничества» к «России» вел его также от «литературности» к фольклору.

Бунт Добролюбова, как следует из всего вышесказанного, был обращен, в первую очередь, против «образованного общества» и его культуры. Будучи, по существу, религиозным, бунт этот имел, однако, и социальное звучание. В само понятие «образованного общества» Добролюбов, без сомнения, вкладывал классовый смысл. «Образованный слой» для Добролюбова одновременно и класс имущий. Собственность же Добролюбов отвергал безоговорочно: «Богатство земное — это видимый идол», — сказано в «Книге Невидимой»⁵⁶. Притчи и проповеди Добролюбова, сложенные на евангельский лад, прославляют простую и нищую жизнь на лоне природы и содержат гневные выпады против Го-

⁵⁰ В. Брюсов. О русском стихосложении. — В кн.: А. Добролюбов. Собрание стихов, с. 14.

⁵¹ А. Добролюбов. *Natura naturans. Natura naturata*, с. 75.

⁵² Там же, с. 27.

⁵³ См. недатированное письмо Добролюбова к В. В. Гиппиусу (конец мая 1898 г.) — РО ИРЛИ, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 12.

⁵⁴ В. Брюсов. Дневники, с. 42.

⁵⁵ См. недатированное письмо Г. М. Добролюбова к Брюсову. — РО ГБЛ, ф. 386, к. 85, ед. хр. 19.

⁵⁶ А. Добролюбов. Из Книги Невидимой, с. 83.

рода. Город для Добролюбова — символ и средоточье современной цивилизации. «В этом великом современном Вавилоне знаний и роскоши, среди этой всемирной пустыни, среди нежных и жестоких рабовладельцев, я один защитник ваш, мои братья рабы», — вещает Добролюбов⁵⁷. Однако свой поход против «современного Вавилона» Добролюбов, как и другие русские народники, ведет с позиций отсталого патриархального крестьянства. Не случайно, противопоставляя богатство нищете, Добролюбов отстаивает не праздность, а Труд. «Труд есть победа и жизнь», — говорится в «Книге Невидимой»⁵⁸. Однако Добролюбов имеет в виду не любой труд, а лишь ручной, физический, так сказать, «естественный». Именно таким трудом занимался и сам Добролюбов. При этом, как подчеркивал Пругавин, Добролюбов работал «только у крестьян и притом наиболее бедных, нуждающихся, разоренных»⁵⁹. Труд «машинный», как и всю современную ему фабрично-заводскую цивилизацию, Добролюбов отрицал начисто. Не принимал он и основные государственные институты (армию, суд, православную церковь),⁶⁰ а также любые виды деятельности, связанные с умственным трудом.

Сочетание бунтарства и религиозности — определяющая черта Добролюбова. Грядущее обновление социальной жизни Добролюбов, как и многие до него и наряду с ним, был склонен отождествлять с наступлением царства божьего: «Для меня всегда революция главным образом духовный переворот», — признавался он⁶¹. Здесь учение Добролюбова сближается с идеологией русского сектантства, где религиозность была зачастую лишь формой выражения социального протеста⁶². Отношения Добролюбова с сектантством — процесс, бесспорно, взаимный. Попав в 1898 г. на Север, Добролюбов не мог не столкнуться там со старообрядцами и сектантами, дух которых был ему, конечно, давно знаком и родствен. Заметим, что и сама идея «ухода», бегства «из общества» была глубоко вкорененной в народное сознание и нашла свое реальное воплощение именно в сектантстве: в группах «бегунов» и «скрытников», распространенных сильнее всего на Севере (в Архангельской и Олонецкой губерниях). С другой стороны, религиозное учение Добролюбова, не чуждое и социального пафоса, ясное и по-своему последовательное, не могло остаться

⁵⁷ А. Добролюбов. Из Книги Невидимой, с. 84.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ А. Пругавин. Новая секта (из области религиозных исканий), с. 2.

⁶⁰ «И тюрьму и твой храм наравне отвергаю», — пишет Добролюбов о Городе в «Книге Невидимой» (с. 65; из стихотворения «Я вернусь к вам, поля и дороги родные ...»).

⁶¹ Недатированное письмо к Н. Я. Брюсовой (судя по содержанию, — конец 1936 г.). — РО ГБЛ, ф. 386, к. 148-6, л. 40.

⁶² См. А. И. Клибанов. История религиозного сектантства в России. М., 1965, с. 70 и др.

без отклика, особенно среди той части русского крестьянства, которая уже была захвачена сектантскими настроениями (как, например, крестьянство Самарской губернии). Если вспомнить к тому же о проповедническом таланте Добролюбова, то станет понятным, почему он столь скоро обращал других в свою веру, обрстал последователями и даже мог переманить на свою сторону приверженцев других сект: духоборов, молокан, толстовцев.

Протест и смирение, действие и созерцание — из этих противоположностей складывается целостный духовный облик Добролюбова. Проповедь самоуглубления и молчания сочетается у него с призывами к неповиновению властям: «Бросив книги, он в поля убежал, где подстрекал, бунтовал», — вспоминал о Добролюбова А. Белый⁶³. Примечательно, что Добролюбов проповедовал свои убеждения не только среди крестьян Поволжья, но и в оставленном им «образованном» обществе, прежде всего, — в стане своих недавних единомышленников. Об этом свидетельствуют и уже упоминавшееся «Письмо в редакцию «Весов», и неоднократные обращения Добролюбова к русским и западным зачинателям «нового искусства». Им всем Добролюбов советовал отказаться от литературы и «уйти» из общества. В одном из писем к П. П. Перцову Брюсов рассказывает, что поселившийся в его доме Добролюбов (дело происходит в феврале 1905 г.) пишет Мережковским, Минскому, Льву Толстому, о. Гапону, Витте, Святополку-Мирскому и даже... Уайльду, вовсе не смущаясь тем обстоятельством, что Уайльда давно уже нет в живых⁶⁴. Сохранилось одно из обращений такого рода — недатированное письмо Добролюбова к Андрею Белому (судя по содержанию, начало 1905 г.). Документ этот весьма любопытен и содержит ряд характерных для Добролюбова суждений: ниже приводится его полный текст.

«От Александра Добролюбова

Брат Борис, немного ты знаешь меня.

Я прежде принадлежал к вашей символической школе в искусстве. Бог мой дозволил мне опять открыть некоторые ваши книги.

Некоторые слова ваши мне радостны, это везде, где есть чувство тайны и бога (и вы часто возвращаетесь к ним), но о поступках, об азбуке веры, о книге совести почти у всех вас такое ухищренное и извращенное разумье. Зачем эти части истины разделены, так раздроблены между всеми? Зачем Толстой так хорошо иногда поминает о поступках (хотя тоже не о всех) и так слабо о вере? А вы, иногда чувствуя, что есть сверхъестественная сила божья, зачем так покоряетесь наследству извращен-

⁶³ А. Белый. Начало века. М., 1933, с. 363.

⁶⁴ П. П. Перцов. Литературные воспоминания, с. 230.

ного современным образованием человека, зачем изменяете основной первый поступок? Его начало так ясно в книге совести всех народов как $2 \times 2 = 4$.

Зачем вместо «а» стараться читать древнее неудобное «азь»?

Я прочел несколько твоих вещей на днях. Я видел твой сборник «Золото в лазури», стихов я даже не стал читать, потому что люди редко бывают искренни в стихах. Они изменяют слово ради наружной музыки. Брат, красота приходит только тогда, когда не заботишься о красоте, музыка приходит только тогда, когда не ищешь ее, радость приходит только тогда, когда ты мужествен и без нее. Это вечный закон!

В этом сборнике я нашел чистую страницу только одну «Вот придет воскресным днем». И не потому, что она говорит о боге. Хотя все, что говорят о боге, даже слабое озаряет, ибо Он — бог живой и Красота.

Из другого не стихотворного сборника твоего прочел я две-три страницы и читать не мог, слишком изображено. Прочел твою статью о Канте⁶⁵, где ты объясняешь, что символическая школа это первый шаг к вере среди образованных. Этой статьей я обрадован, хотя есть некоторые спутанные, слишком ухищренные объяснения.

Но лучше всего некоторые слова из «Окна в будущее»⁶⁶ — Круговорот, Мистерии, Оленина, Концерт. Хотя тоже много старого наследства, образованных слов.

Брат, теперь не время ухищряться в словах и мыслях, не время заниматься искусством, теперь время пророчествовать о скором наступлении новой земли и о вере и ни о чем более. Ибо во храме веры будет все, весь мир!

Ты продолжаешь Коневского, будь ему достойным наследником. Заблужденья его забудь, а лучшее от него избери.

Приближаются великие времена — только будем ли мы достойными работниками для этих великих времен?

Приветствую тебя лобзаньем

твой друг А. Добролюбов

Учение всех братьев и древнего брата нашего Иисуса Христа со всеми вами.

Пр<иписка>. Напиши, пожалуйста, одному человеку — Метерлинку, что теперь не время для искусства. Напиши и от меня.

⁶⁵ Имеется в виду статья А. Белого «Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта», опубликованная в журнале «Весы» (1904, № 2).

⁶⁶ См.: А. Белый. Окно в будущее. (Оленина д'Альгейм). — «Весы», 1904, № 12.

Если можешь, разыщи Льва Гиппиуса⁶⁷, в прежней жизни после Эрлиха это был самый близкий мне. Он может быть вам полезным. Когда я прочел одну твою мистерию, я думал, что это слова Льва Гиппиуса.⁶⁸

Призывы Добролюбова встречали у многих из его прежних единомышленников, русских символистов, если не отклик, то, во всяком случае, сочувственное понимание. Как известно, на грани веков индивидуализм и «западничество», характерные для «старших» русских символистов, теряют свою изначальную остроту. «Младшие» представители «нового искусства» (Блок, Белый, Вяч. Иванов и др.), выступившие в литературе накануне первой русской революции, остро отзываются на общественное брожение в стране и пытаются — каждый по-своему — преодолеть индивидуализм на общих для них путях сближения с «народной душой» («братство», «соборность» и т. д.). «Неонародничество» — отличительная черта русского символизма 900-х гг.; оно вдохнуло в него новые силы и придало ему ту самобытность, которой ему недоставало в 90-е гг. XIX в. Вслед за теми, кого они считали своими предшественниками, прежде всего за Достоевским и Вл. Соловьевым, «младшие» символисты отождествляют «народ» и «крестьянство» и влекутся к его наиболее активным, динамическим группам, в том числе — к сектантству. «Я, вспоминая Андрей Белый, — начитавшись Достоевского, искал героев его, Алеш, Зосим, Мышкиных, Иванов Карамазовых, в жизни... <...> влекли и самочинные сектанты: не хлысты, штундисты, евангелисты, а начинатели своих собственных сект»⁶⁹.

Интерес к народной стихии, к сектантству отличает в те годы не только русский символизм, но и шире — известную часть русской интеллигенции, включая ее социал-демократические круги (Горький, Бонч-Бруевич и др.). «Одна <...> девица, — рассказывает А. Белый в романе «Серебряный голубь», — пожила плечиками, когда речь шла о Руси; после же пешком удрала на богомолье в Саров; похотывал социал-демократ над суетверьем народа; а чем кончил? Взял, да и бежал из партий, появился среди северо-восточных хлыстов. Один декадент черной бумагой свою оклеивал комнату, все чудил да чудил; после же взял да сгинул на много лет; он объявился потом полевым странником»⁷⁰. «Декадент», о котором пишет Белый, — никто иной, конечно, как Александр Добролюбов. Его судьба вызывает к

⁶⁷ Гиппиус Лев Васильевич (1880—1920) — один из четырех братьев Гиппиус.

⁶⁸ РО ГБЛ, ф. 25, к. 15, ед. хр. 18. Своеобразная орфография и пунктуация Добролюбова приспособлены к нормам современного правописания.

⁶⁹ А. Белый. Начало века, с. 138.

⁷⁰ А. Белый. Серебряный голубь. М., 1910, с. 228—229.

себе повышенный интерес именно теперь, в первое десятилетие XX в. (точнее же — после 1905 г.). Символисты, в том числе и «старшие», не одобрявшие в свое время (за исключением Брюсова) ни поэзии Добролюбова, ни его декадентских выходов⁷¹, меняют теперь свое отношение к нему. «Для нас они, — пишет Минский о религиозных и народнических настроениях А. Добролюбова, — новы и необычны тем, что пережиты одним из нас, нашим современником, читавшим те же книги, которые мы читаем, передумавшим те же мысли, как и мы»⁷². Добролюбов становится теперь как бы союзником некоторых русских символистов, проделавших тот же духовный путь: от индивидуализма к неонародничеству, к религии. При этом свойственные неоромантизму «жизнетворческие» устремления побуждают отдельных русских символистов претворять свои слова в реальность, остро ставят перед ними проблему «ухода». Один из них — Леонид Семенов — вслед за Добролюбовым порывает с «культурой» и «уходит в народ». «Тема «ухода» меня, как Семенова, мучила, — признается Белый, — неудивительно: мы говорили о том, что, быть может, уйдем, но куда? В лес дремучий?»⁷³ («мы» — т.е. Белый и Блок, беседы с которым воспроизведены в этом месте мемуаров Белого). Тема «ухода», бегства из цивилизации, города — основная в книге Белого «Пепел» (1909)⁷⁴. Та же мысль овладевала в 1907—1909 гг. и Блоком⁷⁵. Вяч. Иванов — проповед-

⁷¹ См., например, статью-рецензию З. Гиппиус «Критика любви. Декаденты-поэты», опубликованную в журнале «Мир искусства» (1901, № 1, с. 28—34. Перепечатано и ее книге: Литературный дневник, СПб., 1908, с. 54—62). Характерно, что в этой статье З. Гиппиус, наряду с резкой критикой Добролюбова-декадента и поэта (статья была вызвана появлением второго сборника стихов Добролюбова), звучат уже и нотки сочувствия религиозным исканиям Добролюбова («... посмотрим, — писала З. Гиппиус, — не наша ли в нем мука, не то же ли самое недоумение, которое живет теперь в каждом из нас, и при нашем одиночестве — для каждого темно и губительно? Может быть, это просто покинутый ребенок, которого не слышат?»). Эта двойственность была подмечена анонимным автором заметки, в которой излагалось содержание статьи З. Гиппиус («Новое время», 1901, 9/22 февраля, № 8964, с. 3).

⁷² Н. Мин. <Минский>. Эскизы. Обращенный эстет. — «Рассвет», 1905, 4/17/ июня № 86, с. 4. Начало данной статьи Минского, представляющей собой, по сути дела, развернутую рецензию на «Книгу Невидимую», см. в той же газете от 31 мая /13 июня/ (№ 82).

⁷³ А. Белый. Начало века, с. 302.

⁷⁴ «Не туда ли идет и А. Белый?» — спрашивал автор неподписанной заметки под заглавием «Книги и писатели», напечатанной в газете «Новая Русь» (1909, 23 марта /5 апреля/, № 80, с. 3). В заметке говорилось о только что появившейся статье А. Белого, посвященной Гоголю, и рядом — об А. Добролюбова (цитировалось письмо о нем, которое Д. С. Мережковский получил «от одного молоканина с Урала»).

⁷⁵ А. Блок. Записные книжки. М., 1965, с. 131 (запись, сделанная в ночь с 16 на 17 февраля 1909 г.). Подробнее см. в статье К. М. Азадовского «Блок и А. М. Добролюбов» (Тезисы I (III) Всесоюзной конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 96—102).

ник «соборности» — был, конечно, чужд подобных порывов, хотя именно в его статьях 900-х гг. «кризис индивидуализма» получил глубокое теоретическое обоснование. Да и все духовное развитие Вяч. Иванова (от «дионисийства» к католицизму) лишний раз подтверждает обозначенную нами тенденцию. «Уходом» (хотя и не «в народ») завершился также жизненный путь двух «младших» символистов — С. Соловьева и Эллиса⁷⁶.

Желание повторить путь Добролюбова овладевало подчас даже Брюсовым, который оставался его почитателем и в 900-е гг. (хотя во многом и изменил свое отношение к нему). В одном из писем к Добролюбову (видимо, неотправленном) Брюсов писал 18 марта 1900 г.: «Хотел бы писать к Вам и назвать Вас братом или учителем, но слишком близок ко мне тот мир, о котором просите Вы не сообщать Вам. Властны надо мной все его собольщения и соблазны от самых высоких, словно достойных, до самых низших. Но храню я уверенность, что как только придет мне, отвергну я их без единого раздумья, как ветошь, и, возложив руку на рало, не оглянусь»⁷⁷. О внутренних сомнениях Брюсова говорит и его письмо к Белому, написанное летом 1904 г. В нем, ссылаясь на Добролюбова, Брюсов пишет: «Нам было два пути: к распятию и под маленькие хлысты; мы предпочли второй <«маленькие хлысты» — т. е. мелочи повседневной жизни — К. Л.>. И ведь каждый еще миг есть возможность изменить выбор. Но мы

⁷⁶ Эллис — фигура, родственная Л. Добролюбову в том плане, что все его устремления также носили максималистский и жизнотворческий характер. В любом из своих начинаний Эллис, как и Добролюбов, «шел до конца». В 1912 г. Эллис пережил сильное увлечение «тайноведением» Р. Штейнера, которое отчасти перекликалось с добролюбовским мистицизмом. В одном из своих писем к И. Г. Книжнику Н. Г. Сутковой (бывший социал-демократ, впоследствии толстовец, колебавшийся в 1911 г. между Штейнером и Добролюбовым) рассказывает об Эллисе: «Он <т. е. Эллис. — К. А.> не так давно бросил все (готовился к профессуре, жил литературой, поэт), ездит к Штейнерам, кое-как перебивается. Весь ушел в теософию. Пишет, перед ним открываются такие вещи, что он не может и не имеет права говорить о них. Он думает, что истинно ищущий Высшего может идти только одним путем — или Добролюбова или Штейнера — промежуточным может идти только посредственность» (письмо от 16 марта 1912 г. — РО ГПБ, ф. 352, ед. хр. 175). Однако примером Добролюбова Эллис вдохновлялся еще задолго до своего «ухода» в теософию. «Наши отношения, — писал он Блоку в 1906 г. (письмо не датировано), — продолжения и развитие некоего узла, завязанного мною раньше... быть может, А. Добролюбовым, быть может, Достоевским!...» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 40).

⁷⁷ Черновик письма. РО ГБЛ, ф. 386, к. 71, ед. хр. 7. Подобные же настроения овладевали порой и И. М. Брюсовой. «Брат Александр, только про одно могу я тебе сказать, это то, что я хочу уйти», — пишет она Добролюбову в недатированном письме, видимо, в 900-е гг. (РО ГБЛ, ф. 386, к. 145, ед. хр. 62, л. 3). Что касается Н. Я. Брюсовой, сестры поэта, то она, как уже указывалось, одно время находилась под сильным влиянием Добролюбова. Покинув Москву, Н. Я. Брюсова в течение ряда лет жила на Севере (с перерывами — до 1912 г.).

не изменяем»⁷⁸. Думается, однако, что Брюсов был внутренне не расположен к тому, чтобы «изменить выбор»: как известно, он и в начале столетия пытался утвердить в русской литературе принцип «индивидуализма», оставался приверженцем французских символистов и скептически относился к религиозно-народническим исканиям своих товарищей. Ясно, что и в 900-е гг. он продолжал воспринимать Добролюбова как... индивидуалиста; его «уход» казался ему подвижничеством, актом сверхчеловеческой воли. Добролюбов как бы воплощал для него тот тип героя-ницшеанца, к которому он одно время стремился в своей поэзии и которому пытался подражать в жизни. Белый в своих воспоминаниях замечает, что Брюсов «рвался к подвигу», который ассоциировался у него «с почитанием деяния раннего соратника Добролюбова, порвавшего с литературой»⁷⁹. Впрочем, и некоторые другие знавшие Добролюбова люди считали, что его «уход» был вызван главным образом его стремлением к самоутверждению — жадной славы и непомерным тщеславием (но, в отличие от Брюсова, говорили об этом с осуждением). «По силе фанатической самовлюбленности и полнейшего самососредоточения на своей только личности это был совершенно исключительный человек», — утверждал, например, П. П. Перцов⁸⁰.

Большинство же современников, далеких от проблематики символизма, видело в судьбе Добролюбова прежде всего «жизне-строительный» смысл. Последовательный и целостный человек, сумевший преодолеть разрыв между словом и делом, достичь единства замысла и исполнения, — таков был образ Добролюбова, постепенно утвердившийся в русском обществе. «По-моему, — писал А. Пругавин, — прежде всего подкупает необыкновенная цельность, необыкновенная последовательность этого человека. У него слово не расходится с делом, его учение, его религиозные взгляды сливаются с его жизнью в одно стройное гармоническое целое. Никакой раздвоенности, никакого разлада между идеалом и жизнью»⁸¹. Именно таким воспринимали Добролюбова его последователи, число которых в период «между революциями» (т. е. между 1905 и 1917 гг.) несколько возра-

⁷⁸ «Лит. наследство». Т. 85. М., 1976, с. 379.

⁷⁹ А. Белый. Начало века, с. 150.

⁸⁰ П. П. Перцов. Литературные воспоминания, с. 236.

Среди современников Добролюбова было, кроме того, немало и таких, которые воспринимали его «исключительность» как ненормальность, считали его «больным» и «умалишенным». Например, Н. Н. Баженов, автор книги «Психиатрические беседы на литературные и общественные темы» (М., 1903), рассмотрев одно из стихотворений Добролюбова, приходил к выводу, что поэт «представляет собой психический тип, совершенно не укладывающийся в психологические рамки и подлежащий ведению только психопатологии» (с. 66—67).

⁸¹ А. Пругавин. Новая секта (из области религиозных исканий), с. 2.

стает⁸², а также те, кто, не разделяя полностью его взглядов, сочувствовали его пути. К последним принадлежал среди прочих и Л. Н. Толстой, искренне и глубоко откликнувшийся на судьбу Добролюбова (как и Л. Семенова), во многом созвучную его собственным исканиям. Противоречия русской жизни, породившие явление «ухода», сказались в мировоззрении Толстого с особой силой. Тяжело страдавший от несоответствия между своими убеждениями и образом жизни, Толстой в 900-е гг. ставил себе в пример именно Добролюбова, который, со своей стороны, не раз «обличал» писателя за его «непоследовательность»⁸³. В одном из писем 1909 г. Толстой сопоставляет себя с Добролюбовым и Семеновым. «Как ни тяжело, — пишет Толстой, — чувствовать свое ничтожество в сравнении с такими и, слава богу, многими и многими такими же людьми, радость сознания того, что есть такие люди, превышает тяжесть стыда за свою дурную жизнь»⁸⁴. Многократно порывавшийся «уйти», осудивший еще в 80-е гг. свое художественное творчество и решившийся на окончательный разрыв со своей средой лишь за десять дней до смерти, Л. Толстой — наиболее яркий и наиболее трагический пример «ухода» в русской культуре.

Первая мировая война, а также события последующих лет — Октябрьская революция и гражданская война — решающим образом изменили жизнь «заволжского апостола». Секта «молчальников» распалась, связь Добролюбова с его единомышленниками прервалась силою вещей. Правда, и теперь (и, естествен-

⁸² Точные данные о численности секты «добролюбовцев» отсутствуют. В «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого приведены слова Л. Толстого о том, что добролюбовцев «около ста человек» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 77. М., 1956, с. 133). Цифра, названная Толстым, возможно, несколько преуменьшена. Известно, во всяком случае, что идеи Добролюбова имели достаточно широкое распространение среди крестьян Самарской и Оренбургской губерний. Среди городских жителей приверженцев и последователей Добролюбова было относительно немного (имена некоторых из них сохранились).

⁸³ «Главнейшие ошибки в миросозерцании Толстого: не наступление на познанный им путь и продолжение жизни в нерабочем обществе, потому что чистое созерцание мира приобретает только чистотой исполнения. Отсюда и остальные ошибки его, может быть еще более главные — мысль о достижении чистоты одними силами человека, отвержение помощи Того, кто более разума, кто несравненен с совестью или внутренним человеком, кто чище всех самых духовнейших сущностей; затем полное смешение или неразличение бессмертной части в человеке и божьей, вообще более движение разумом, а не чувством» (Из письма Добролюбова к Я. И. Эрлиху. — РО ГПБ, ф. 362, ед. хр. 25/163, л. 12). О Л. Толстом говорится также в «Книге Невидимой» (с. 179—181). См., кроме того: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 54, с. 535.

⁸⁴ Письмо к Ю. О. Якубовскому, написанное в начале ноября 1909 г. (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 80, М., 1955, с. 176).

но, до конца своих дней) Добролюбов ведет скитальческий образ жизни, но уже не как «пророк», а как одиночка, нищий. Важно отметить, что уже в начале 20-х гг. Добролюбовым овладевают сомнения (поначалу смутные) в истинности сектантства. Об этих разочарованиях Добролюбова, о его неудовлетворенности «братством» позволяет судить сохранившийся автобиографический отрывок, в котором, кроме того, содержится ряд сведений о жизни его в 20-е гг.

«С 1921 по 27-й — 2 года Омский поселок Славгород, 2 года Самарский округ, Бухара, Дюшанбе — 3 года <...> От ясно наступившего в Поволжье голода пришлось бежать в начале 20-го; омский уезд, где я жил среди чужих, был для меня в тысячу раз легче Славгорода, где я встретился с фальшивым братством (слова о вышем, в деле — бездеятельность, дружба с богачами, покупка и перепродажа на базарах), не знаю, как я вырвался из их елейных рук <...> после Сибири — боязнь посещения братства, предчувствие его застойности или трудности, слишком близко было мне все это, чтобы подвергнуть себя таким терзаньям духа...» и т. д.⁸⁵

Содержание жизни Добролюбова в 20-е гг. несколько меняется; он начинает систематически работать, овладевает двумя профессиями: печника и маляра. Добролюбов по-прежнему признает только ручной труд, но относится к нему теперь как к источнику существования. «До германской войны почти включительно, <...> — пишет он в своем автобиографическом отрывке, — я не изучал никакого мастерства, у меня все время было одно стремление — к самым тяжелым работам, заработок был для меня тогда побочное, сейчас он выдвинулся...»⁸⁶.

В 1930 г. мы застаем Добролюбова в Баку, в последующие годы — в центральном Азербайджане. Евлах, Тертер, Мардакерт, Кубатлы — в этих местах он задерживается на продолжительное время. «Я на границе с Персией, работаю по малярному делу, более по колхозам, произвожу побелку и окраску комнат (в мавританском стиле)», — сообщает он Н. Я. Брюсовой в конце 1936 г.⁸⁷

В середине 30-х гг. Добролюбов возвращается к литературе. «20 лет не писал стихов, в прошлом месяце записал 5, 6 стихотворений», — рассказывает он Н. Я. Брюсовой 28 января 1936 г.⁸⁸ В своих сочинениях этих лет Добролюбов пытается откликнуться на актуальные события, связать свое творчество с теми изменениями в жизни народа, которые совершались на его глазах. В письме к П. Я. Брюсовой он так формулирует основную

⁸⁵ «Отрывок из дневника находится среди писем А. М. Добролюбова и Н. Я. Брюсовой (РО ГБЛ, ф. 386, к. 148 б., л. 15).

⁸⁸ РО ГБЛ, ф. 386, к. 148 б., л. 15.

⁸⁷ Там же, л. 35-36.

⁸⁸ Там же, л. 2-3.

мысль одного из своих произведений, озаглавленного «Пир в университетском городке Мадриде»: «Восторг всего народа против фашизма и объединение всех в фронте народа...»⁸⁹. Главная идея составленного им сборника «Рабочие мысли» состоит, по словам Добролюбова, в том, что «рабочее общество вдохнет новые мысли и в науку, и в искусство, и во все движенья жизни»⁹⁰. Стихотворение «Рабочая мысль — в ней всегда вдохновенье» представляет собой, по авторскому определению, «гимн рабочей мысли, которая начала стройку у нас и завершит ее во всем мире»⁹¹. Однако несмотря на устремленность к современности, творчество Добролюбова 30-х гг. производит жалкое впечатление. Становится ясно, что за долгие годы скитаний бывший символист утратил даже элементарные навыки литературной работы. Тем не менее, сам Добролюбов был высокого мнения о себе как писателе. Он просил Н. Я. Брюсову «продвинуть» одно из его произведений в «Правду» и даже намеревался послать его Р. Роллану во Францию: «Этот скорей продвинул бы его, у наших слишком много косности», — рассуждает он.⁹²

В мае 1937 г. Добролюбов покидает Закавказье и отправляется в Ленинград, к своей сестре Ирине Михайловне Святловской. По дороге он заезжает в Москву, где проводит несколько недель и, между прочим, навещает Брюсовых⁹³. В Ленинграде, поселившись у И. М. Святловской, Добролюбов пробыл до конца 1938 г. Давно уже изживший в себе те настроения, которые 40 лет назад послужили причиной его «ухода», Добролюбов стремится направить свою жизнь по новому руслу. В письме к В. Д. Бонч-Бруевичу от 19 октября 1938 г. он сообщает, что хотел бы «иногда жить и в Ленинграде» и, сверх того, «отчасти заняться писательством возобновить». В связи с этим Добролюбов просил В. Д. Бонч-Бруевича помочь ему «обменять закавказский паспорт на ленинградский»⁹⁴. Однако прописаться в Ленинграде Добролюбову не удалось. Он снова уезжает в Азербайджан и весь 1939 г. проводит в Баку. Здесь его следы теряются. Отдельные подробности, касающиеся самых последних лет жизни Добролюбова, содержатся в его письмах к И. М. Святловской и к ее сыну, М. Е. Святловскому (1918—1941)⁹⁵.

⁸⁹ РО ГБЛ, ф. 386, к. 148 б., л. 46.

⁹⁰ Там же, л. 45.

⁹¹ Там же, л. 48.

⁹² Там же, л. 20.

⁹³ Как рассказывала И. М. Брюсова, Добролюбов с интересом разглядывал стоявшие в ее доме на полках книги французских символистов, высказывал желание «перевести кое-что». Из беседы с Добролюбовым И. М. Брюсова поняла, что он живет неподалеку от Баку, занимается печным делом и женат на простой женщине (сообщено Д. Е. Максимовым, слышавшим этот рассказ от И. М. Брюсовой незадолго до войны).

⁹⁴ РО ГБЛ, ф. 369, к. 265, ед. хр. 11, л. 1—2.

⁹⁵ Личный архив Г. Е. Святловского (Ленинград). Последнее сохранившееся письмо — открытка с почт. штемпелем «2. 12. 43» из г. Уджары Аз. ССР.